

ОЛЬГА КУЛАГИНА (OLGA KULAGINA)
Московский педагогический государственный университет
(Moscow State Pedagogical University)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. ЛАРУИ *ГОД СРЕДИ ФРАНЦУЗОВ*)

Linguistic representation of intercultural communication in modern Francophone literature (on the example of F. Laroui's novel *A Year with the French*)

This paper deals with linguistic representation of intercultural communication and ethnocultural dissonance between French and Moroccan in the modern Francophone literature. A novel by French-speaking Moroccan writer Fouad Laroui *A Year with the French* is taken under analysis to examine the representation of Franco-Moroccan contacts.

Keywords: Francophone literature, intercultural communication, ethnocultural dissonance, linguistic representation, France, Morocco, Fouad Laroui

В последние десятилетия мировое сообщество всё чаще оказывается перед лицом такого фундаментального вызова, как регулярные столкновения между восточной и западной цивилизациями. Во многом это явление объясняется тем, что получившие в XX в. независимость африканские и азиатские государства всё больше демонстрируют тенденцию к замкнутости на собственной культурной и расовой идентичности и к дискриминации в отношении всех прочих культур – в первую очередь, западной, т.е. культуры бывших колонизаторов (Véji 2004, 55, 58). В то же время, западная культура стремится сохранить свои доминирующие позиции и максимально распространить свои ценности, оставаясь символом одновременно комфортной жизни и в некотором роде элитарного характера западного образа жизни, доступ к которому открыт далеко не для каждого (Appadurai 2004, 41). Сложность взаимоотношений между Востоком и Западом с позиции обеих цивилизаций отражена в литературе бывших французских колоний, которая отличается вниманием к теме идентичности и инаковости, в силу ряда причин политического и социокультурного

характера (Ahnouch 2014, 16). Для анализа мы выбрали роман современного марокканского франкоязычного писателя Фуада Ларуи *Год среди французов* (*Une année chez les Français* 2010), действие которого происходит в 1969 г., спустя 13 лет после провозглашения независимости Марокко.

Прежде всего подчеркнём, что персонажи романа (как марокканцы, так и французы) практически постоянно испытывают более или менее выраженный этнокультурный диссонанс, т.е. коммуникативный дискомфорт, вызванный различиями в ценностях, вероисповедании, принятых в той или иной этнической среде языковых стратегиях и т.д. (Кулагина 2012, 20). В романе этнокультурный диссонанс вызван, в первую очередь, этническими авто- и гетеростереотипами, бытующими в родной среде героев. Так, французы, по мнению консьержа лица в Касабланке, пытающегося идентифицировать нового ученика, выглядят следующим образом:

Tous les Français étaient blonds, **savait** Miloud, après mille preuves du contraire, qui passaient tous les jours, frottant, marchant, courant devant sa loge (Laroui 2010, 11).

У всех французов светлые волосы, Милуд это **знал**, хотя каждый день перед ним проходили, проплетались, пробегали тысячи доказательств обратного¹.

Выделение автором глагола *savoir* – *знать*, обозначающего полную уверенность говорящего в правдивости своих убеждений (Le Trésor de la Langue Française informatisé: atilf.atilf.fr/tlf.htm), а также употребление обобщающего прилагательного *tous* – *все* демонстрируют стереотипное видение марокканцем иной культуры, которое на деле не соответствует реальности, подтверждением чему служит гипербола *mille preuves du contraire* – *тысячи доказательств обратного*. Продолжая свои попытки определить национальную принадлежность оказавшегося перед ним мальчика, консьерж-марокканец приходит к следующему выводу:

Et puis, cette valise usée, avec sa ridicule poignée blanche... Ce n'était pas le bagage d'un **nasrani**, ça! Tous les Français sont riches, c'est bien connu. Non, **celui-là** ne pouvait être qu'un enfant du pays (Laroui 2010, 11).

И этот потёртый чемодан со смешной белой ручкой... **Иностранцы** с такими не ходят! Все французы богачи, кто же этого не знает. Нет, **этот** точно местный.

В приведённом примере наблюдается действие одновременно гетеростереотипа о европейской культуре и автостереотипа о родной, марокканской. В первом случае эффект стереотипизации обеспечивается за счёт обобщающего прилагательного *tous* – *все* (как и в предыдущем примере) и арабской лексемы *nasrani*, обозначающей любого

¹ Здесь и далее перевод наш. – О.К.

последователя христианской веры (что создаёт двойное обобщение, т.к. речь идёт уже не только о французах, но обо всех представителях западной культуры), во втором – посредством гиперболизации *celui-là ne pouvait être qu'un enfant du pays* – **этом** точно местный. Два стереотипа находятся в антитегических отношениях (все французы – богаты, все марокканцы – бедны), с самого начала романа противопоставляя две разных культуры.

В то же время, персонажи-французы также демонстрируют стереотипное восприятие жителей страны, на чьей территории они находятся. В качестве примера приведём реплику одного из надзирателей лица:

Peut-être ne portent-ils pas de pyjama, les gens, du côté de Béni-Mellal? Savent pas ce que c'est... Dorment enroulés de peaux de mouton... (Laroui 2010, 23).

Наверное, эти, из Бени-Меллала, и пижам не носят? Даже и не знают, что это такое... На ночь заворачиваются в овечьи шкуры...

Эллиптические конструкции в высказывании персонажа создают эффект спонтанности, словно говорящий озвучивает первые же мысли, которые приходят ему в голову, что позволяет нам сделать вывод об устойчивости бытующего среди французов того времени стереотипа о бедности марокканцев и неустроенности их быта.

Французский лицей оказывается для главного героя, марокканского подростка по имени Мехди, совершенно незнакомым, чужим миром, несмотря на нахождение этого лица в Марокко. Осознание, что он оказался на чужой территории, приходит к Мехди постепенно, что подтверждается следующими примерами:

- 1) Il était maintenant chez les Français, entouré de **leurs** immeubles, de **leurs** bacs à sable, de **leurs** arbres (Laroui 2010, 34).

Теперь он находился на территории французов, среди **их** домов, **их** песочниц, **их** деревьев.

- 2) Il respire l'odeur caractéristique des Français, la même que celle qui règne dans le dortoir ou dans le bureau de M. Lombard. C'est un mélange de senteurs d'encaustique et de cire, mêlées de lavande, loin des relents d'épices des maisons des Marocains.

Il n'est pas chez lui : cette fois, c'est son nez qui le lui dit (Laroui 2010, 179).

Он вдыхает характерный французский запах, такой же, как в спальне общежития или в кабинете г-на Ломбара. Пахнет одновременно полированной мебелью, воском и лавандой – совсем не то, что вонь от специй в марокканских домах.

Он не у себя дома: на сей раз он это чувствует по запаху.

В первом примере обращает на себя внимание повтор и выделение притяжательного прилагательного *leurs* – *их*, передающего ощущение инаковости нового окружения, испытываемое героем. Во втором примере отметим антитезу *senteurs* – *relents* (*запах* – *вонь*), которая позволяет предположить, что ольфактивные впечатления героя об иной культуре скорее положительны, однако иная культура по-прежнему выглядит для него чуждой, что передаётся посредством обстоятельства времени *cette fois* – *на сей раз*, а также выделительного оборота и персонификации *c'est son nez qui le lui dit* – букв. *ему это говорит его нос*.

Попытки французов инкультурировать Мехди оказываются малорезультативными. В качестве подтверждения этой мысли приведём описание реакции Мехди, впервые попробовавшего горчицу и вдохнувшего запах вина:

Ce breuvage à l'odeur infecte, cette espèce de pâte jaune à l'âcre saveur – c'était ça, le secret de l'existence? (Laroui 2010: 120).

Вот это вонючее пойло, вот эта жёлтая паста с терпким вкусом – это и есть смысл существования?

В приведённом примере эпитеты с отрицательной окраской *l'odeur infecte* – букв. *отвратительный запах* и *l'âcre saveur* – *терпкий вкус* демонстрируют критическое отношение марокканца к реалиям иной культуры. Риторический вопрос *c'était ça, le secret de l'existence?* – *это и есть смысл существования?* усиливает эффект скептического восприятия чужого культурного пространства.

Наряду с этим, мир марокканской культуры также предстаёт малопонятным для французов, причём его сложность и труднодоступность для европейцев изображена в романе в виде автостереотипа:

Il [Mehdi] eut l'impression que c'était un autre monde, un monde de vacarme où tout menaçait à chaque instant de se disloquer, très loin des phrases bien faites, de la **Petite musique de nuit** et de l'odeur d'encaustique. Mme Berger ne comprendrait pas (Laroui 2010, 255).

Ему [Мехди] показалось, что он попал в другой мир, мир оглушительного шума, где всё вокруг угрожало развалиться в любой момент, где не было места правильно построенным фразам, **Маленькой ночной серенаде** и запаху полированной мебели. Госпожа Берже этого не поняла бы.

Антитеза *un monde de vacarme où tout menaçait à chaque instant de se disloquer* – *des phrases bien faites, de la Petite musique de nuit et de l'odeur d'encaustique* (*мир оглушительного шума, где всё вокруг угрожало развалиться в любой момент* – *правильно построенные фразы, Маленькая ночная серенада и запах полированной мебели*), как

и в одном из приведённых выше примеров, может создавать впечатление, что герой ценит французскую культуру выше, нежели свою родную, поскольку перечисление *des phrases bien faites, de la Petite musique de nuit et de l'odeur d'encaustique* несёт выраженную мелиоративную коннотацию, включая в себя элементы, традиционно характеризующие интеллектуальный образ жизни и обустроенный быт. Однако, фраза *Mme Berger ne comprendrait pas – Госпожа Берже этого не поняла бы*, завершающая главу, указывает на обманчивость подобного впечатления: несмотря на то, что объективно марокканский быт проигрывает европейскому, для героя это родная среда, которую никогда не понять иностранцам, – что ещё больше усиливает этнокультурный диссонанс и отдаляет героя от окружающих его французов.

Что касается восприятия французами марокканцев, в частности, главного героя, то оно отличается некоторой снисходительностью. Квинтэссенцией выражения этого доброжелательно-снисходительного отношения нам представляется следующая реплика, произнесённая матерью одного из одноклассников Мехди:

Il n'y a aucune honte à être marocain. C'est même très bien (Laroui 2010, 228).
Нет ничего постыдного в том, что ты марокканец. Это даже очень хорошо.

В приведённом примере обращают на себя априори негативно окрашенная лексема *honte – стыд*, хотя и сопровождаемая отрицанием, и усилительное наречие *même – даже*, сочетание которых создаёт эффект «отрицания отрицания». Таким образом, как показано в романе, рядовые французы, живущие в Марокко, относятся к его жителям как к неким низшим существам, однако стараются замаскировать это отношение за внешне корректным поведением.

Результатом межкультурного взаимодействия марокканца и французов в течение учебного года становится отказ Мехди от попыток интегрироваться во французскую культурную среду:

Il voulait revenir dans ce monde où on lui offrait des lits grands comme des paquebots (c'était autre chose que le petit bateau où on lui avait fait boire du Viandox et manger des cochonneries!); ce monde où on l'acceptait tout naturellement; où l'on ne se moquait pas des souliers de son père; où il pouvait changer le cours des choses de façon miraculeuse – mettre en déroute une meute de douaniers, par exemple (Laroui 2010, 273).

Ему хотелось вернуться в тот мир, где можно спать на огромных, как теплоходы, кроватях (не то что эта крошечная лодочка, где заставляют пить невкусный соус и есть всякие гадости!); в мир, где его принимают таким, какой он есть; где никто не смеётся над ботинками его отца; где он чудесным образом может изменить ход событий – например, одолеть целую банду таможенников.

Метафорическая антитеза *des lits grands comme des paquebots – le petit bateau* (огромные, как теплоходы, кровати – крошечная лодочка) показывает особенности детского восприятия деталей повседневной жизни в различных культурах, где сравнение делается в пользу своей собственной культуры. Употребление пейоративной лексики *cochonneries – гадости* в отношении европейской еды демонстрирует интенсивность этнокультурного диссонанса, испытываемого героем при контактах с инаковостью, которая оказывается для него в большей степени чуждостью и к которой он так и не смог адаптироваться. Таким образом, этнокультурный диссонанс оказывается непреодоленным в силу чрезмерной стереотипизации взаимного видения представителей двух культур.

Проведённый анализ позволяет нам сделать вывод о том, что герои романа *Год среди французов* испытывают значительный этнокультурный диссонанс при межкультурном взаимодействии. В большинстве случаев ощущение диссонанса вызвано многочисленными авто- и гетеростереотипами, существующими в обеих культурах, как во французской, так и в марокканской. Для передачи непреодоленного этнокультурного диссонанса в романе используются такие лингвистические средства, как антитезы, метафоры, повторы, употребление лексем с выраженной положительной или отрицательной коннотацией.

ЛИТЕРАТУРА

- Кулагина Ольга: *Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05: защищена 12.11.2012. Москва 2012.*
- Ahnouch Fatima: *Littérature francophone du Maghreb. Imaginaire et représentations socioculturelles.* Paris 2014.
- Appadurai Arjun: *Vers le choc des valeurs ou l'hybridation des valeurs ? in Où vont les valeurs? Entretiens du XXIe siècle.* Paris 2004, p. 29 – 36.
- Béji Hélé: *La culture de l'inhumain in Où vont les valeurs? Entretiens du XXIe siècle.* Paris 2004, p. 55 – 64.
- Laroui Fouad: *Une année chez les Français.* Paris 2010.
- Le Trésor de la Langue Française informatisé / sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm, [свободный].*